

в православной Славии в период перехода от старой культурной и мировоззренческой парадигмы к западноевропейской историографии Нового времени.

Автор Хроник, Джордже Бранкович, представляет собой именно тот тип человека, который, по выражению А. А. Алексеева [1993], одновременно принадлежал и старому и новому времени. И Хроники его представляют собой своеобразный мост между летописной традицией старой православной Славии и историографической традицией западного мира – от античных источников до современных Бранковичу авторов.

В соответствии с нормами западноевропейской историографии, Бранкович аккуратно указывает свои источники – от Птолемея, через летописи и хронографы средневековой Сербии Неманичей – до Мартина Кромера и придворного венгерского историка Иштванфи. Несмотря на то, что Бранкович иногда слишком некритично следует не всегда достоверным интерпретациям исторических событий у Орбини и у Попа Дуклинина, это, на наш взгляд, не умаляет глобальной значимости Хроник как источника для реконструкции исторической картины мира у православных славян того времени.

В нашей работе в основном будет использован материал первых трех книг Хроник, посвященных доисторическому и раннеисторическому периоду. Основное внимание будет сосредоточено на топонимии и глоттонимии, а также на теме славянского этногенеза.

Алексеев А. А. Внутренняя хронология русского литературного языка // Philologia Slavica. (К 70-летию академика Н. И. Толстого) / Под ред. В. Н. Топорова. М., 1993. С. 238–244.

Бранковић Ђ. Хронике славеносрпске / Уред. А. Кречмер. (Српска академија наука и уметности. Критичка издања српских писаца. VII.) Београд, 2008.

Ю. А. Кривошапова
Екатеринбург

Символика насекомых в народной медицине славян

В докладе рассматриваются лечебно-профилактические приемы народной медицины, где в качестве знаковых атрибутов, способствующих исцелению, выступают насекомые. Область «инсектальной» медицины включает ритуально-магические практики, субъективные верования и объективные знания людей. К анализу привлекаются данные различных славянских языковых и культурных традиций. Основная цель исследования – выявить механизмы символического переосмысления насекомых в сфере народной медицины.

Вовлечение насекомых в сферу народной медицины может быть обусловлено объективными и субъективными факторами.

Некоторые насекомые обладают реальными целебными свойствами и издавна используются в составе медицинских препаратов. К ним относится, в частности,

шпанская муха, порошок из которой применяют для лечения разного рода болей. Аналогичным образом для лечения бешенства используется вытяжка или порошок из майского жука. Лечебными свойствами обладают также продукты жизнедеятельности некоторых насекомых, например мед и прополис пчел, муравьиная кислота.

Вовлечение ряда насекомых в сферу народной медицины на концептуальном уровне активно поддерживается существованием ассоциативной связи «насекомое – болезнь», издревле присутствующей в славянской культуре.

Насекомые воспринимаются как инициаторы заболеваний, часто неясной этиологии, которые трудно объяснить внешними факторами. Причиной болезни становится появление, укус или проникновение в тело человека во время сна, питья, еды некоторых видов насекомых, в которых могли воплотиться духи болезней. Отголоском подобных представлений в языке можно считать существование у восточных и западных славян энтомологических обозначений болезней, связанных с названиями ночной бабочки, которая провоцирует недуг, перевоплощаясь в демона болезни, ср. рус. диал. *ворогуша* ‘бабочка’ и ‘лихорадка’. Человек заболит лихорадкой, если с пищей нечаянно съест белую ночную бабочку, которая дрожит крыльями, как в ознобе. *Ворогуша* вызывает панический страх: когда она летит, крестьяне крестятся и говорят: «Прости mine, Бог от ней». Аналогичная связь значений характерна для польск. *śma* ‘ночная бабочка’ и ‘болезнь’; ср. также *ćmę polną* <ночную бабочку проглотить> ‘есть и никак не насытиться’. В верованиях русских и белорусов *лихорадки* могут обернуться мухой, пауком, бабочкой. Русские считали, что тот, кто нечаянно съест паука, будет страдать водянкою или опухолью в животе. По верованиям поляков и сербов, у скотины, проглотившей паука, появится опухоль. Муха, посидевшая на мертвом раке и укусившая человека, заразит его раком (польск.). Кашубы отмечают, что человек, на которого *pchle jida* <блохи идут>, скоро заболеет. Поляки считают, что съедание вши провоцирует вечный голод, который считается болезнью и называется *prórwa*.

Итак, энтомологическая тема появляется в народной медицине, с одной стороны, благодаря объективным лечебным свойствам насекомых, с другой – под влиянием устойчивого культурного дузта «насекомое – болезнь». Последнее позволяет предположить, что часто использование насекомых в качестве лечебного средства является результатом ретрансляции (или перекодировки) их культурной символики (к примеру, «болезнетворности») в сферу медицинской практики. При этом можно выявить некоторые механизмы символического переосмысления реальных или ирреальных свойств насекомых в наивном врачевании.

Так, механизм «магической энантиосемии» основан на способности одних и тех же насекомых, являющихся знаками языка культуры, выражать антонимичные значения. Насекомые, провоцирующие болезнь, часто сами становятся магическими средствами, помогающими избавиться от недуга. Ср. русское поверье о том, что если во время болезни на больного сядет муха, то следует сейчас же поймать ее и посадить в кожаный мешочек. Затем этот мешочек с мухой нужно бросить в печку: когда он сгорит, болезнь пройдет. Одним из средств против лихорадки у русских считается вошь, закатанная в шарик хлеба, который съедается больным. Вошь в хлебе дают съесть больному желтухой (белор., укр., серб.), корове, когда у нее долго не выходит послед (рус.). На Украине, чтобы остановить кровь, произносят

заговор, в котором комар и муха, кусая, не «пускают кровь», а наоборот, останавливают ее, ср. «Вадзіца-травіца па мору хадзіла, пясочык сеяла, пясочык не ўзайшоў – крыві не пусьціў. Камар укусіў – крыві не пусьціў, муха ўкусіла – крыві не пусьціла».

Можно выделить также механизм переосмысления реальных свойств насекомого, которые, как правило, уже символически закреплены в культурно-языковой энтомологической сфере. Например, в случае тяжелых родов поляки рекомендуют женщине проглотить живую пчелу (ср.: когда у коровы нет телят, ей дают съесть пчелу в хлебе). Прояснить этот рецепт возможно общей культурной брачной и репродуктивной символикой пчел. Пчелиный укус может выступать в качестве символа коитуса ~ дефлорации ~ беременности. У белорусов беременность предвещается женщине сном о пчелином укусе: «Молодой баби, коли жало упусть – забеременея». Аналогично у поляков сон об укусе пчелы предвещает дефлорацию. Символику брачных отношений передает польская пословица «Kieś się psocły goja, to się dziewcysu chłopaków boja» <Когда пчелы роятся, девки парней боятся>. Ср. также использование поляками при женских болезнях (болезни матки) порошка из сушеной *пчелиной матки* – пример реализации принципа *similis simili curātur*, свойственного народной медицине вообще, но редкого в инсектальной рецептуре.

Отметим, что при тяжелых родах применяются и другие насекомые, характеризующиеся многочисленностью и в связи с этим наделенные символикой плодovitости, например вши и саранча.

Л. Е. Кругликова
Санкт-Петербург

К этимологии оборота *старая карга*

Считается, что фразеологизм *старая карга*, употребляемый как бранное наименование старой женщины (обычно злой, сварливой), основан на сравнении женщины с вороной (от тюрк. *karga* ‘ворона’, восходящего к *kara* ‘черный’), отрицательно оцениваемой в народной речи [см., например: Мокиенко, 231–236].

Мы придерживаемся иной точки зрения.

Изначально, в XVIII в., интересующее нас слово в значении ‘старая женщина’ фиксировалось только в форме *корга*. В той же орфографии мы находим его у писателей XIX в., а также в белорусском языке в XIX в.: «*Корга*. Старая баба, хрычовка, слово бран. ведьма» [Носович, 246].

Фиксация интересующего нас существительного в форме *кóрга*, *корга́* даже в акающих говорах – воронежских, брянских, рязанских [СлРЯ 1913, 4/7, 2048] – доказывает исконность *о*.

Об исконном, а не тюркском происхождении говорит и наличие существительного *корг* ‘выступ на носу и на корме судна, служащий для привязывания якорей’, которое является самым старым среди слов русского языка с интересующим нас